

РЭИХАРТ

ШЫШКА

для

МАЖОРА

18+

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Рэй Харт

**Пышка для мажора.
Деревенская любовь**

«Автор»

2026

Харт Р.

Пышка для мажора. Деревенская любовь / Р. Харт — «Автор»,
2026

Она вытащила его из горящей машины. Он соврал, что потерял память. Чтобы остаться с ней — дольше. А остался — навсегда. Мажор, богатый наследник, красивый как демон, с пустыми глазами и кучей любовниц, которые пахнут одинаково — дорогими духами и фальшью. Маша — веснушчатая, пышная, с косой до пояса, которая сама себе хозяйка. У неё корова Зорька, кошка Дуся, два розовых поросёнка и ружьё на стене. И ни одного мужика, кого бы она не выгнала метлой. Он притворялся, что не помнит себя. А она знала и молчала — дала ему время отогреться. А потом он уехал. Думал — в Питер, к деньгам, к привычной пустоте. Но оказалось, что пустота — это когда рядом нет её запаха: молока, мяты, домашнего хлеба.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пышка для мажора. Деревенская любовь

Глава

Часть первая. Город пустоты

Глава 1. Тефлоновый принц

Питер душил меня в собственной постели. Не метафора, а я чувствовал реальное удушье. Я лежал на кровати шириной два с половиной метра, итальянский шёлк простыней лип к вспотевшей спине, а воздух в спальне загустел, как сироп. Ни одна кондиционерная система в мире не могла выдуть эту вязкую тоску из моей груди.

Она спала на моей груди.

Я не помнил, как её зовут.

Начало на «А»? Или на «В»? Анжела, Алиса, Виктория? Какая разница. Силиконовая грудь вздымалась под кружевом, искусственные ресницы отбрасывали тени на щёки, а губы — пухлые, с контуром, который не сотрёшь даже кислотным пилингом — были приоткрыты в наигранном сне.

Я смотрел на неё и не чувствовал ничего.

Во рту — привкус её смазки. Искусственной, с отдушкой «клубника». Она любила, когда её лизут. Долго, старательно, с пальцами. Я делал это десять минут, пока она не кончала — громко, с театральными стонами, запрокидывая голову так, что накладные волосы хлестали по подушке. Она кончала всегда. Или просто делала вид. Я устал различать правда это или спектакль где-то на третьей минуте.

— Саша, — прошептала она во сне. Имя помнила. Это уже хорошо.

Я осторожно выскользнул из-под неё. Она не проснулась. Только перевернулась на бок, поджала колени к животу, обнажив полоску гладко выбритой промежности. Татуировка — маленькое сердечко на лобке. Я подарил его. Заплатил за сеанс в лучшем салоне Питера. Тогда мне казалось, это сексуально. Теперь сердечко выглядело как клеймо.

Я прошёл в ванную. Зеркало в полный рост. В зеркале — я. Александр Сергеевич Хартов, двадцать девять лет, наследник состояния, которое моим детям и внукам хватило бы на десять жизней. Рост сто восемьдесят девять. Вес девяносто два — занимаюсь боксом три раза в неделю, держу форму. Глаза голубые — мамины. Челюсть квадратная — отцовская. Лёгкая небритость стала моей визитной карточкой; я перестал бриться каждый день где-то год назад, когда понял, что женщинам всё равно. Они не на лицо смотрели, а на мой банковский счёт.

Красивый. Богатый. Молодой. И пустой, как консервная банка из-под фуа-гра. Но сейчас, в полумраке ванной, в отражении я видел не красивого мужчину. Я видел выгоревший остов. Человека, который сыт по горло. Сыт сексом, деньгами, властью, ресторанами, вечеринками, частными самолётами и этими одинаковыми лицами с фальшивыми улыбками.

Я провёл ладонью по лицу. Щетина колола пальцы — приятно, потому что хоть что-то во мне было настоящее.

Включил душ. Вода обожгла плечи. Я закрыл глаза — и увидел тот же сценарий, который повторялся сотни раз.

Она проснулась, накинула мою рубашку, вышла ко мне. Красивая, надушенная, с идеальным макияжем, который не смылся даже после секса. Водостойкая тушь — подарок судьбы для шлюх, которые хотят всегда выглядеть свежими утром.

— Саш, ты чего встал? — Томный голос, чуть с хрипотцой — вчера кричала много. — Иди ко мне.

Я выключил воду, вышел. Она стояла у раковины, поправляла волосы. Рубашка — моя, была расстёгнута почти до пупка. Груды торчали колом — третья операция, тоже я оплатил.

— Кофе сделай, — сказал я.

— А поцеловать?

— Кофе.

Она надула губы — пухлые, с филлером, неестественно торчащие вперёд. Поцелуй с такими губами — как касание двух сырых пельменей. Я не любил их целовать. Никогда не любил.

— Тебе пора, — устало сказал я.

— Саша...

— Выйди, пока я не сказал грубо.

— Ты какой-то холодный сегодня, — обиделась она.

— Я всегда холодный.

— Нет, раньше ты был жарче.

— Раньше я не знал, что ты спишь с моим водителем.

Она замерла. Побледнела даже под тональным кремом.

— Саша, что ты... это неправда...

— В субботу, после того как я улетел в Лондон. Вы встречались в «Four Seasons». Он подарил тебе серьги с фианитами, ты обрадовалась, потому что подумала — бриллианты. — Я посмотрел на неё в упор. Голубые глаза в карие. — Хочешь, скажу, в какой номер вы потом пошли? 412. Вид на Исаакий.

Она открыла рот. Закрыла. И вдруг расплакалась — по-настоящему, с размазанной тушью, с соплями, с некрасивыми всхлипами.

— Я люблю тебя, Саша! Это ничего не значило! Он просто... он был... я была пьяна!

— Ты всегда пьяна. — Я взял полотенце, вытер лицо. — Собирайся. Через час у тебя самолёт в Париж. Билет я купил.

— Ты меня выгоняешь?

— Я тебя отпускаю.

Она ещё что-то кричала — про неблагодарность, про время, которое потратила на меня (конечно, а я потратил на неё свои деньги). Я не слушал. Налил себе виски — «Macallan» 1926 года, бутылка, которую нормальные люди не пьют, а коллекционируют.

Выпил. И совершенно не почувствовал вкуса.

Через полчаса она ушла, хлопнув дверью так, что картины на стенах покосились.

Я остался один. С пустотой в груди и с мыслью, что следующая будет точно такой же. И та, что после неё. И та, что через год.

Им нужны были мои деньги. Мой член. Моё имя в соцсетях.

Мне нужна была... я даже толком не знал, что мне нужно.

Просто не хотелось умирать в этой квартире с видом на реку, окружённым пластиковыми куклами с одинаковыми лицами.

Я взял ключи от Гелендвагена и вышел.

Ноябрьский Питер — это не город, это предсмертная агония. Нева тяжёлая, тёмная, как нефть. Небо висит низко, почти давит на макушки. Здания — сплошной гранит, мокрый и скользкий. Ветер с залива режет лицо, как бритва.

Я закурил — единственная вредная привычка, которую я себе позволял. Табак горчил. Дым уносился ветром, растворялся в серости, и я завидовал этому дыму. Он хотя бы исчезал по-настоящему.

На заднем фоне сквозь всхлипы уходящей женщины пробился одинокий крик:

— Козёл! Ни одна тебя не полюбит! Ты пустой, Хартов! Пустой!

Она была права.

В тридцать лет мужчина должен думать о семье, о бизнесе, о наследнике. А я думал только об одном: когда это закончится? Когда я перестану чувствовать себя персонажем чужой жизни — богатой, гламурной, фальшивой?

Я вернулся в квартиру, сидел в кресле, смотрел на Неву. Отец позвонил в девять утра.

— Сын, — голос у отца всегда был металлическим, даже когда он говорил ласково. — У тебя всё в порядке?

— Всё отлично, — соврал я.

— Ты вчера сорвал встречу с Шереметьевыми.

— Забыл.

— Саша, это не игрушки. Через год я отхожу от дел. Ты будешь управлять холдингом. Ты готов?

Да, папа. Конечно, папа. Я прошёл все стадии: протест, гнев, торг, депрессия. Осталось принятие. Я принял, что моя жизнь — это гонка без финиша. Деньги делают деньги. Власть рождает власть. Встречи, переговоры, сделки, подписи. Женщины, которые хотят только счета в банке. Мужчины, которые хотят меня обойти.

— Я выезжаю на сделку с Уральскими. — Я сказал это твёрдо, хотя ещё минуту назад не планировал. — Хочу сам проконтролировать.

— Это не твой уровень, Саша. Туда ездят менеджеры.

— Пусть менеджеры сидят в офисе. Я хочу почувствовать дорогу. Хочу подумать.

Отец помолчал. Он всегда умел распознать, когда я ставлю точку.

— Машину дать?

— Свою возьму.

— Он не для наших дорог, он для немецких автобанов.

— Я справлюсь.

— Знаю, — вздохнул отец. — Ты всегда справляешься. Только будь осторожен, Саша. Ты мне нужен.

— Я тоже тебя люблю, пап.

Сбросил звонок. Усмехнулся. Мы с отцом никогда не говорили о любви. Это было лишним. Но сейчас, я почему-то сказал.

Сборы заняли десять минут. Я бросил в сумку пару рубашек, деньги, документы, телефон — который почти сразу выключил. Бардачок Гелендвагена захлопнулся с глухим звуком. Чёрный, матовый, с салоном из кожи и алькантары, этот автомобиль был моей единственной игрушкой, которой я гордился.

Двигатель заурчал — шестьсот лошадей под капотом. Я нажал на газ, и Крестовский остров остался позади. Питерские пробки, набережные, туристы у Исаакия, бизнес-центры со стеклянными стенами — всё это мелькало за окном, чужое, ненужное мне.

Я выехал на трассу М-10. Навигатор показывал: до Торжка пятьсот километров. Там встреча с поставщиками леса, которых отец хотел присоединить к холдингу. Грязные мужики в дешёвых костюмах, с золотыми печатками на толстых пальцах. Они будут потчевать меня коньяком из рюмок в золотой обводке, предлагать девочек, намекать на откаты. Я буду улыбаться, кивать, решать их проблемы, и внутри меня будет умирать ещё одна клетка.

Я нажал на газ сильнее. Сто восемьдесят, двести, двести двадцать. Машина шла ровно, как по рельсам. Ветер свистел в щелях опущенного стекла. Холодный, злой, но настоящий.

Зачем я еду? Мог послать любого из менеджеров. Но нет — мне нужно было бежать. От квартиры, где каждая женщина пахнет одними и теми же духами «Баккара Руж». От клуба, где музыка такая громкая, что невозможно услышать собственные мысли. От этого города, который держит меня в своих гранитных объятиях и не отпускает.

Я повернул навигатор. Зелёная линия вела по трассе, но где-то между Тверью и Торжком я заметил старую дорогу. Просёлок. На карте — пунктирная линия. Копытовский тракт.

Почему бы и нет?

Я свернул.

Сначала было терпимо. Грунтовка, колдобины, лес по бокам. Сосны, ели, берёзы с опавшей листвой. Воздух здесь пах иначе — не бензином и выхлопами, а прелыми листьями, грибами, влажной корой.

Это напомнило детство. Меня отправляли в деревню к бабушке на всё лето, пока отец строил бизнес, а мать... мать лечила нервы в санаториях. Бабушка — царствие ей небесное — жила в Псковской области, в деревне, где не было даже магазина. Я пас гусей, лазил по деревьям, пил парное молоко прямо из-под коровы, пахнувшей сеном и теплом. Я был счастлив тогда, сам не понимая этого.

Потом бабушка умерла. Мне было двенадцать. Отец забрал меня в Питер, отдал в элитную гимназию, потом в Лондонскую школу экономики. Я выучился, возмужал, превратился в того, кого все хотели видеть. Но внутри, где-то глубоко, жил тот мальчишка, который любил бегать босиком по росе и ловить рыбу на удочку.

Я прибавил газ. Просёлок стал хуже — колеи глубже, грязь жиже. Но Гелендвагену плевать. Три блокировки дифференциалов, дорожный просвет — двадцать пять сантиметров. Машина для конца света и для российской глубинки.

Дождь начался внезапно. Ливень — косой, злой, как будто небо решило вылить на меня всю свою обиду за последние годы. Дворники работали на пределе, но видимость упала до десяти метров. Я сбавил скорость. Включил дальний свет.

Лужа. Нет — яма. Целая воронка, скрытая под слоем воды. Я увидел её, когда передние колёса уже провалились. Гелендваген клюнул носом, закрутился, как игрушка. Мир завертелся — небо, земля, деревья, вспышка фар. Что-то острое, металлическое, вошло в левую ногу. Боль — яркая, нестерпимая.

В салоне запахло бензином. И гарью.

Я попытался открыть дверь — заклинило. Ремень безопасности врезался в грудь. Сквозь треснувшее лобовое стекло я видел языки пламени, лижущие капот.

«Всё», — подумал я. «Доигрался, мажор».

И в эту секунду разбилось заднее стекло.

Чьи-то руки вцепились мне в плечи. Сильные, с натруженными мозолями. Голос — женский, резкий, с деревенским выговором:

— Твою мать, ты живой? Шевелись, красавчик, не сейчас помирать!

Я хотел ответить, что нога зажата, что не могу. Но вместо этого потерял сознание.

Очнулся от запаха молока. Тёплого, парного. И от того, что кто-то тёр мою грудь чем-то жёстким и колючим.

— Полотенце, — бормотал женский голос. — Ах ты ж, леший.

Я попытался открыть глаза. Веки были тяжёлыми, как занавес в Мариинском театре.

— Не дрыгайся, — услышал я снова. — Нога твоя перебита, кровь я остановила, но если ты начнёшь двигаться — откроется снова.

— Где... — прохрипел я. Голос звучал как скрежет металла по стеклу.

— В деревне Березовка. А ты в моём доме. И, слава богу, в сознании.

Я открыл глаза.

Потолок был деревянным. С балками. С лёгкой паутиной в углу. В щелях между досками — темнота, какая бывает только в глухой деревне, где нет уличного освещения.

Я повернул голову. Кровать железная, с сеткой, на которой провалены пружины. На мне — лоскутное одеяло, разноцветное, из обрезков ситца. Нога перемотана бинтами — не аптечными, а марлевыми, поверх которых наложена какая-то тряпица, пропитанная травяным настоем.

Рядом на стуле сидела девушка.

В платке. Белом, завязанном сзади узлом. Из-под платка выбивалась толстая коса — светлая, почти льняная. Лицо: мелкие веснушки, россыпью — на носу, на скулах. Губы — полные, без помады, слегка приоткрытые. Глаза — зелёные, с золотыми крапинками в радужке.

Она не была худой. Нет, это была та самая женская полнота, которую мужчины называют «пышной», а женщины — «жирной». Округлые плечи, широкая грудь, сильные руки.

Ни одного намёка на пластику. Ни капли ботокса. Ни грамма косметики.

— Ты кто? — спросил я.

— Маша. — Она улыбнулась. Зубы ровные, здоровые. — А ты — неизвестно кто. Документов при тебе нет. Или есть, но я не нашла. Не до того было, когда ты кровью харкал.

— Машина...

— Сгорела. Я успела вытащить только тебя. И сумку твою.

— Как?

— На себе. — Она сказала это просто, как о чём-то само собой разумеющемся. — Ты не тяжёлый, килограммов девяносто. У меня корова есть, я мешки с комбикормом по пятьдесят кило таскаю. Ты показался мне легче.

Я не знал, смеяться или плакать. Меня, Александра Хартова, наследника миллиардов, вытащила из горящей машины деревенская девушка в платке и перетащила на себе, как куль с картошкой.

— Нога болит? — спросила она. Наклонилась, тронула пальцами повязку. Пальцы тёплые, шершавые, с короткими ногтями. — Сильно?

— Терпимо.

— Врёшь мне. Я вижу — зрачки расширены, дышишь часто. Боль терпи, красавчик, лекаря позову утром.

— Лекаря?

— Фельдшер наш. Миша. Он хороший врач, умелый. Ногу тебе зашьёт.

Я смотрел на неё и чувствовал, как в груди отпускает что-то. Тот самый спазм, который держал меня в Питере. Здесь, в этом доме с белёными стенами и полосатыми половиками, я впервые за долгое время мог дышать полной грудью.

— Спасибо, Маша, — сказал я.

Она махнула рукой:

— Не благодари. Ещё не известно, что из тебя выйдет. Может, ты маньяк какой?

— Может, — согласился я, и выдавил кривую улыбку.

— Маньяки не бывают такими красивыми, — спокойно сказала она. — И у них глаза бесцветные, а у тебя — голубые, как лён в солнечный день. Так что, скорее всего, ты просто мажор, который на своей идиотской тачке решил по бездорожью погонять.

Я усмехнулся — и тут же зашипел от боли в рёбрах.

— Не смейся, — строго сказала Маша. — У тебя рёбра треснули, я когда снимала рубашку, видела синяки. Лежи смирно.

Она встала, поправила одеяло. Платье ситцевое, в цветочек, фартук белый. Юбка длинная, но когда она наклонялась, я видел щиколотки — загорелые, крепкие. Босиком, между прочим. В доме холодно, а она босиком.

— Ты что, замёрзнешь, — сказал я.

— Привычная. — Она пожала плечами. — На печке сплю.

— А где я сплю?

— В моей комнате.

— А ты?

— А я — в бабушкиной. — Она улыбнулась. — Не переживай, честь моя не пострадает. Я девушка строгая. Меня в деревне все боятся.

— Боятся?

— Ну, мужики свататься боятся. Я их метлой гоняю. А бабки сплетничают, что я ведьма. — Она засмеялась — звонко, беззаботно. — Пусть сплетничают. Мне от этого не жарко, не холодно.

Она ушла на кухню, через минуту вернулась с кружкой.

— Пей. Молоко парное, только от Зорьки. С мёдом. От боли помогает и сон будет хороший.

Я взял кружку. Деревянная, грубо выточенная, но тёплая. Глотнул. Молоко было густым, сладковатым, с пенкой, которая таяла на языке. Мёд — липовый, ароматный.

В Питере я пил молоко раза два за последние десять лет — в кофе. А здесь — просто так. И это было лучшее, что я пробовал в своей жизни.

— Как ты меня сюда доставила? — спросил я, вытирая губы.

— В тачке, — сказала Маша.

— В какой тачке?

— Ну, в тележке. Для навоза. — Она совершенно серьёзно кивнула. — Я как раз в огороде была, ботву выдёргивала. Тут резко дождь начался. Вижу — вспышка. Бегу — а там ты в машине висишь, нога кровит. Я тебя вытащила, и до тележки, погрузила. И привезла.

Я представил эту картину. Девушка в ситцевом платье, в платке, тащит меня, здорового мужика, по грязи, через огород, грузит в тележку для навоза и везёт к себе. Силёнок у неё — дай бог каждому мужику.

— Ты сильная, — сказал я.

— А то. — Она улыбнулась. — Одна живу. Без мужика. Сама и корову подою, и дров наколю, и свинью зарежу, если надо.

— Замуж, почему не вышла?

— А за кого? — Маша села на стул, сложила руки на коленях. — В деревне нашей — три мужика: один пьющий, второй старый, третий — Миша фельдшер. Миша хороший, но он мне как брат. Не могу я за брата замуж пойти.

— А в городе?

— В городе скучно. И душно. И люди странные — всё куда-то бегут, ничего не видят вокруг. — Она посмотрела на меня. — Вот, как ты, наверное.

Я промолчал. Не хотел говорить, кто я. Не хотел рассказывать про папины миллиарды, про свои идиотские амбиции, про пустоту внутри. Здесь это казалось неправильным. Фальшивым.

— Я ничего не помню, — сказал я. — Извини. Авария. Наверное, потеря памяти.

Маша склонила голову набок. Коса качнулась, перекинулась через плечо.

— Потеря памяти, — повторила она задумчиво. — Бывает. В кино я такое видела.

— Вот видишь, я особенный.

— Особенный, — усмехнулась она. — Попортил мне тележку для навоза. Самую лучшую. Теперь навоз в чём возить?

Я засмеялся — и опять закашлялся от боли в рёбрах.

— Не смейся, я серьёзно, — сказала Маша, но в глазах у неё плясали чертики. — С тебя новая тележка. Заплатишь.

— Заплачу, — согласился я.

— То-то.

Она встала, поправила платок. На пороге обернулась:

— Спи, красавчик. Завтра Миша придёт, ногу твою посмотрит. И, может, память вернётся.

— А если нет?

— Если нет — значит, так нужно. Видать, не хочешь ты вспоминать своё прошлое. Может, оно того не стоит.

Она закрыла дверь. Я остался один.

Кошка — трёхцветная, пузатая — запрыгнула на кровать. Походила по одеялу, потопталась, улеглась на моей больной ноге.

— Ай! — Я дёрнулся, но кошка даже ухом не повела.

— Дуся, ты где? — донёлся голос Маши из-за стены. — Ах, проказница! Нашла, где спать.

— У неё деликатности нет, — сказал я.

— Дуся-то? Она рожать скоро собралась. У беременных нюх меняется. Наверное, ты ей нравишься.

— Надеюсь, не больше, чем я тебе.

Послышался смех. Тёплый, мягкий, обволакивающий.

С этой женщиной я забыл, что такое молчаливая вежливость и дежурные улыбки. Она была настоящей — как этот деревянный потолок, как запах сена из-за окна, как молоко с мёдом, всё ещё согревавшее мой желудок.

Я закрыл глаза. Дуся заурчала, как трактор.

Я спал без снов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.